

Про татарское нашествие

Подымалось чудищо не малое,
Не малоё да не великоё:
Голова у него — да как пивной котёл,
А глаза у него — да как пивны́ чашы́,
Промежу ушами — каленá стрелá,
Промежу глазами — пядь бумажная,
Плечи у него — была коса сажень,
Коса сажень нынче печатная!
Набирал набор он равна трй́ года.
У которого былó ведь семь сынов —
Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оставливал:
Отцу-матушкы́ да на пропитанье.
У которого ведь было шесть сынов —
Он ведь пять сынов ноньче себе берёт,
А шестого дома он оставливал:
Отцу-матушки да на воспитанье.
У которого было ведь пять сынов —
Он четыре ноньче ведь себе берёт,
А пятого дома оставливал.
(До одинакá всё так.)
Он ведь набрал силы много-множество:
Впереди его — на сорок тысячей,
По правóй его руки́ — да сорок тысячей,
По левóй руки́ — да сорок тысячей,
Позади его — да чй́слу-смёты нет!
Он пришол ко городу ко Киеву,
Што под те под стены он ведь каменны.
Он садилса нонь да на ременчат стул,
Он писал ерлык да скорописчатой:
Он ведь просит у них да стольне Киев-град —
Без бою, без драку, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого!
Он послал посла да скоро-на́скоро:
«Ты поди, посóл, да скоро-на́скоро

Церез стéнушку да городовую,
Мимо башенки да наугольнея!
У ворот не спрашивай воротников,
У дверей не спрашивай придверников —
Ты уж в гридню иди и лица не чьти,
[(Прежде у князей так комнаты те назывались: гридни.)]
Лица не чьти, Богу не кланейся,
Ерлык на стол клади да сам вон иди!»
Говорил он речь да не с упáдкою,
Не с упáдкою да не с охваткою.
[(Это наказывал Идолищо-то.)]
Пошел, пошел да скоро-наскоро
Через стéнушку да городовую
Мимо башенки да наугольнея.
У ворот не спрашивал воротников,
У дверей не спрашивал придверников, —
В гридню идёт и Богу не кланеетця,
Ерлык на стол кладёт да сам и вон идёт.
Говорит речь да не с упáдкою,
Не с упáдкою да не с охваткою.
Брал тут ноньце да Владимир-князь,
Брал ерлык, да он прочитывал:
«Как пришло нонь поганое Издолищо
Ко тому ко городу ко Киеву.
Он и нагнал силы он несметные,
Он и просит нонь да стольне Киев-град —
Без бою, без драки он, без сéценья,
Без того кроволития великого!»
Тут-то князь и опечалился,
Да сам-то говорит да таковó словó:
«Кабы был по-прежнему Илья-казак,
Илья-казак, Илья Муромец
[(Илья-то Муромец в погребѣ ведь засажѣн был!)],
Пособил-ка мне да думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Отдать или не отдать стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без сéценья,
Без того кроволития великого?»
Говорит кнегина тут Апраксея:

«Што батюшка нынь Владимир-князь,
Сходи-тко ты во глубок погреб!
Не жив ли там Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович?»
Как Владимир-князь красно солнышко
Пошел-то он да во глубок погреб.
Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плеты железныя:
А сидит там стар, весь волосом оброс.
(Книгу читат.)

Падал тут князь на колени
Перед старым Ильей Муромцем,
Да низко ему поклоняйтце:
«Уж ты батюшко наш старый казак,
Старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Как пришло ко городу ко Киеву
Да поганое Издолище,
Он нагнал силы много множества,
Он ведь просит у нас да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого!»
Тут сидит-то старый — очей ни звёл.
Побежал-то он ко кнегине Апраксине:
«Уж ты матушка кнегина Апраксина!
Ты поди-тко во глубок погреб:
Там есь жив старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович —
Попроси да ты его уж милости!»
[(Она его всё содержала, всё кормила.)]
Пошла кнегина тут Апраксина,
Пала она на колени перед погребом:
«Уж ты батюшко да наш старый казак,
Наш старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Пособи-тко нам думу думати,
Думу думати да горе мыкати:

Как отдать-то — не отдать да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого?»

Тут старый выскочил из погреба.

[(Сорок сажень погреб был, выскочил еще выше.)]

Пошел Илья по городу [по] Киеву.

Забегал-то князь да во первой након,

Низко ему покланеитця:

«Уж ты батюшко да наш старый казак,

Старый казак Илья Муромец!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати:

Отдать иль не отдать да стольне Киев-град

Без бою, без драки, нонь без сеценья.

Без того кроволития великого?»

Идет-то старый — очей ни звёл!

[(Не остановился, осерчал на его.)]

Забегал-то князь во второй након,

Ищо того ниже поклоняитце:

«Уж ты батюшко да наш старый казак,

Старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати:

Отдать иль не отдать стольне Киев-град

Без бою, без драки, нонь без сеценья,

Без того кроволития великого?»

Идет-то старый — очей ни звёл.

Забегал-то князь да во третьей након,

Ищё того ниже поклоняитце:

«Уж ты батюшко наш старый казак,

Наш старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванович!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати, да горе мыкати:

Отдать иль не отдать стольне Киев-град,

Без бою, без драки, нонь без сеценья,

Без того кроволития великого?

Я тебе-то жалую

Петдесят бочек зеленá винá,
Петдесят-то бочек пива пьяного
И петдесят боценок [мёду сладкого],
[(Жалует это князь.)]
Пли́су-бархату да на бело́й шатёр!»
Тут-то стар остóялся,
Говорит-то он таково́ словó:
«Ты уж думу думай не со мной, а со боярами,
Со боярами да с толстобрюхими!
[(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!)]
Попросите сроку на три годá!»
[(Илья-то Муромец сказал.)]
Попросили сроку на три годá —
Не дава́т поганый Издоли́що на три месеца!
«Попросите сроку на три месеца!»
Не дава́т ведь сроку на двенадцеть дён!
[(Войска нет, где скоро завернешь?
Ишь сколько чудовищ было!)]
«Попросите сроку на двенадцеть дён,
А на тринадцатый — бою-драке быть!»
Призвал тут стар Добрыню Никитича:
«Ой еси, Добрыня Никитич млад!
Обседывай ты своего добра коня,
Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывай по украинам, —
Забирай всё русских могущих бога́тырей!»
Обседлал Добрыня добра коня́,
Объезждал он в двенадцать дён всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывал по украинам —
Забирал всё русских могущих бога́тырей.

Ну вот он объехал в двенадцать дён и набрал: тут был Олёша Попович,
Самсон Колыбанович,

[братя Суздальцы].
Как на утре-то было ранешенько,
На светлой зори [раноутренней],
[Сейчас у их тут будет бой!]

На выкате [солнышка красного]
Вставал-то старый со постелюшки,
Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотёнышком беленьким,
Помолилса Спасу Преображенскому,
Божьей Матушки да Богородицы.
Ходил на улицу широкою,
Смотрел и здрел да во чисто полё.
Как неверно собранье да скошевалось,
Оно стоит да в боевых редáх.
Забегал-то стар да во белóй шатёр:
«Уж вы братьица мои да товарищи!
Вы обседывайте нонь да добрых коней,
Надевайте латы вы булатныи,
На шеи кольцуги позолоцены,
Берите палицы железныи,
Берите сабельки вострыи,
Берите копья немецкия,
Берите ножщицо-чинжалищю!»
Говорит тут стар да таково слово:
«Ой еси, Добрыня Никитич млад!
Ты останься во белом шатре
Берегщи-стерегщи белóй шатёр —
Потому што конь твой приубегалса,
А ты на кони приездилси».
Помолились Спасу Превышнему,
Божьей Матушки да Богородицы,
Дружка с дружкой распростилися.
[(Бат, не один живой не приедет!)]
Говорит тут стар да таково слово:
«Я поеду середь матицы,
[(Это, вишь, середкой.)]
А вы поезжайте по украинам!
Если Бог нам будет нынче на помощь —
То рубите силу вы без вывету!»
[(Не щадит никого.)]
Поехал стар-то середь матицы,
Остальня дружина — по украинам.
Поганой Издолищю заметалосе:

Не знать, оно засыпается,
Не знать, оно оглупается.
Махнул-то стар да саблей вóстрою —
Слетела голова, как пуговица!
[(Того убил.)]
Они рубили силу ту без вы́вету.
(Днём вырубили, да́ рано!)
Приезжают они ко белú шатру́.
Было тут два братца, да два Суздальца,
(Их на дело не бывало и не видало!) —
Они порáто приросхвастались:
«Кабы было во матушки во сырой земли золото кольцо́ —
Повернули мать сыру́ землю!
[(Хвастливо-то слово, видишь, мимо живё!)]
А была бы на́ небо лесница —
Присекли силу всю небесную!»
Говорит-то стар да таково́ слово́:
«За эти за́ речи за похвальные
Всем завтра нам придется лежать да в чистóм полю́!»
На утре-то было ранéшенько,
На светлой зори [раноутренней],
На выкате [солнышка красного],
Стал-то старый со постелюшки.
Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотёнышком беленьким,
Помолилса Спасу Преображенскому,
Божьей Матушки да Богородицы.
Выходил на улицу широкую,
Посмотрел и здрел да во чистó полё:
Как неверно собранье скошевалосе.
Которого секли они нáтрое —
Тот втроём садитса на одну́ лошадь,
Которого секли нáдвое —
Тот вдвоём садитса на одну́ лошадь!..
Забегáл тут стар да во белóй шатёр:
«Уж вы братьица мои, товарищи,
Не докуль вам спать — пора вставать!
Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чистó полё:

Там неверно собранье нынче ожило!
Мы которого секли ведь нáтрое —
Тот втроем садитса на одну лошадь,
Которого секли мы нáдвое —
Тот вдвоём садитса на одну лошадь,
А поганой Издолищо — о трёх главах!
За вчерашние за реци за похвальныя,
Всем нам будет лежать во чистом поли!»
Говорит тут стар да таковó словó:
«Вы обседывайте нынче добрых коней!
Не оставлю Добрыню во белом шатре,
Берегци-стерегци белой шатёр».
Помолились Спасу ведь Превышному,
Божьей Матушки да Богородицы,
Дружка с дружкой распростилиси.
Говорит тут стар да таковó словó:
«Я поеду по украину,
А вы поёзжайте середь матицы!
Если Бог нам будет нá помощь —
Вы рубите силу нунь без вывету!»
Стар поехал по украину,
А дружина поехала середь матицы.
Поганое Издолищо заметалосе:
Не знать — оно засыпаетсе,
Не знать — оно оглупаетсе.
Махнул-то стар да саблей вострою —
Слётели головы, как пуговицы!
[(Три головы его отсекли.)]
Они рубили силу нунь без вывету,
Не мало, не много — двенадцать дён,
[(Ишь ведь дело!)]
Не пиваючи и не едаючи,
И опочив они не держали!
[(Без отдыху без всякого. И ничего они не держали, не спали.)]
Приезжают они ко белой шатру —
Не приехало два братця, два Суздальця.
[(Которы-то хвастались.)]
(Тем и кончилось.)

(Зап. А. М. Астаховой 1 июля 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.